

8
Я. А. Новиковъ. 38

БОРЬБА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ
И
ЗАКОНЫ НАРОДНЫХЪ СЛІЯНІЙ.

(Лекція, читанная 12 февраля 1899 г. въ Одесскомъ Обществѣ любителей науки, литературы и искусства).

Съ приложеніемъ мнѣнія о націонализмѣ Вл. Соловьева.

Изданіе А. Г. Генчмахера.

Цѣна ~~15~~ коп.

ОДЕССА.

752
2192.
пографія Института Графическихъ Искусствъ „Порядокъ“ Успенская, 75.

1899.

15
28

БОРЬБА НАЦІОНАЛЬНОСТЕЙ
И
ЗАКОНЫ НАРОДНЫХЪ СЛІЯНІЙ.

Отд.	38
№	51

Того же автора.

- Протекционизмъ. С.-Петербургъ 1890 г. in 8.
- Une définition de l'Art. Paris, Plon, 1882. Brochure.
- La Politique internationale. Paris, Félix Alcan, 1886. 1 vol. in-8, de la Bibliothèque historique et politique.
- Les Luttres entre sociétés humaines et leurs phases successives. 2me édition. Paris, Félix Alcan, 1896. 1 vol. in-8 de la Bibliothèque de philosophie contemporaine.
- La Guerre et ses prétendus bienfaits. Paris, Armand Colin et Cie, 1894. 1 vol. in-12.
- Les Gaspillages des sociétés modernes. Paris, Félix Alcan, 1894. 1 vol. in-8 de la Bibliothèque de philosophie contemporaine.
- Essai de notation sociologique. Paris, Giard et Brière. 1895. Brochure.
- La question de l'Alsace-Lorraine, Paris, Félix Alcan, 1895.
- La Federazione Europea. Milan, Verri, 1895.
- Conscience et volonté sociales. Paris, Giard et Brière, 1897. 1 vol. in-8 de la Bibliothèque sociologique internationale.
- L'Avenir de la race blanche. Paris, Félix Alcan, 1897. 1 vol. in-8, de la Bibliothèque de philosophie contemporaine.
- La Théorie organique des sociétés. Paris, Giard et Brière 1899. 1 vol. in-8.

Я. А. Новиковъ.

БОРЬБА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

И

ЗАКОНЫ НАРОДНЫХЪ СЛІЯНІЙ.

(Лекція, читанная 12 февраля 1899 г. въ Одесскомъ обществѣ любителей науки, литературы и искусства.)

Изданіе А. Г. Генчмахера.

ОДЕССА.

Типографія Института Графическихъ Искусствъ „Порядокъ“ Успенская, 75.

1899.

Sub 1968

БОРЬБА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ
И
ЗАКОНЫ НАРОДНЫХЪ СЛІЯНІЙ.

(Лекція, читанная 12 февраля, 1899 г. въ Одесскомъ обществѣ любителей науки, литературы и искусства).

I

Опредѣленіе національности.

4 June 1968

Національная борьба въ полномъ разгарѣ въ наше время. Повсюду слышится о германизации славянъ, о мадьяризации румынъ, объ обрусѣніи нашихъ окраинъ. Въ Бельгій фламандское движеніе противъ преобладанія французскаго языка принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Въ Австріи постановленіе графа Бадени о равноправности нѣмецкаго и чешскаго языковъ пошатнули самыя основы государства. Парламентарная машина перестала дѣйствовать, и трудно себѣ представить, какимъ образомъ и когда окончатся затрудненія въ монархіи Габсбурговъ.

Національная борьба имѣетъ цѣлю народныя сліянія. У насъ, напримѣръ, желаютъ, чтобы инородцы превратились въ русскіихъ; въ Германіи, чтобы познанскіе

Дозволено цензурою. Одесса. 24 Марта 1899 года.

поляки и лотарингскіе французы превратились въ нѣмцевъ и т. п. Сліяніе есть, переходъ изъ одной національности въ другую. Но для того, чтобы понять, какимъ образомъ онъ совершается, необходимо прежде всего усвоить себѣ ясное понятіе о самой національности.

Какъ все общественное, національность явленіе весьма сложное, состоящее изъ множества факторовъ.

Указываютъ прежде всего на территорію и климатъ. Говорятъ, что эти элементы даютъ особенный отпечатокъ народу и создаютъ въ немъ специальный характеръ. Такъ, жизнь въ горахъ совершенно различна отъ жизни въ равнинахъ, и эта разница кладетъ свой отпечатокъ на общество. Съ другой стороны, люди, живущіе въ знойномъ климатѣ, будутъ имѣть иной характеръ, чѣмъ люди, живущіе въ умѣренномъ и холодномъ. Монтескье придавалъ особенное значеніе вліянію мѣстности и климата. Это вліяніе нельзя, конечно, отрицать. Оно имѣетъ извѣстное воздѣйствіе на національность, но надо признать, что оно не только не преобладающее, но даже довольно незначительное. Что касается до топографическихъ особенностей, трудно себѣ представить мѣстности болѣе различныя, чѣмъ Швейцарскія Альпы и равнины Сѣверной Германіи у береговъ Балтійскаго моря. Однако и тутъ и тамъ живутъ люди, принадлежащіе одной національности—нѣмецкой. Климатъ тоже играетъ второстепенную роль. Англичане живутъ и подъ суровымъ климатомъ Канады, и подъ знойнымъ климатомъ Антильскихъ острововъ. Да и мы, русскіе, живемъ отъ «хладныхъ финнскихъ скалъ до пламенной Колхиды».

По мнѣнію многихъ, раса играетъ первенствующую роль въ дѣлѣ національности. Говорятъ, что различіе расъ составляетъ непреодолимое препятствіе къ единенію

общественныхъ группъ. Напримѣръ, бѣлые Сѣверо-Американскихъ Штатовъ никогда не пожелаютъ признать, что они составляютъ одну національность со своими неграми. Здѣсь различіе останется вѣчнымъ, и сліяніе будетъ невозможно.

Въ этомъ утвержденіи есть тоже большая доля истины. Но тѣмъ не менѣе раса не все. Надо посмотреть на дѣло со всѣхъ сторонъ. Негры въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ говорятъ теперь только на англійскомъ языкѣ. Они совершенно позабыли родныя нарѣчія своихъ дѣдовъ, насильственно привезенныхъ изъ Африки. Если-бы американскіе негры возвратились теперь на родину своихъ предковъ, они не могли бы объясняться съ туземцами. Кромѣ того, нравы, обычаи, костюмы, религія, знанія американскихъ негровъ не имѣютъ уже никакого сходства съ тѣмъ, что мы видимъ въ Африкѣ. Слѣдовательно американскіе негры не будутъ себя чувствовать дома среди прежнихъ своихъ земляковъ, и потому американскіе негры и африканскіе уже не составляютъ болѣе одной національности. На Антильскихъ островахъ есть колоніи французскія и англійскія. Негры французскихъ колоній называютъ своими соотечественниками другихъ французовъ, а не негровъ англійскихъ колоній. И это очень естественно, ибо французскіе негры не въ состояніи объясняться съ англійскими неграми.

Слѣдовательно, даже при такихъ большихъ физиологическихъ различіяхъ, какъ между неграми и бѣлыми, границы расъ не совпадаютъ съ границами національностей. Кромѣ того, браки совершаются между всѣми человеческими расами. Въ Соединенныхъ Штатахъ, не смотря на страшную вражду, существующую между бѣлыми и неграми, все-таки между ними совершаются браки,

и изъ 7.000.000 негровъ въ Америкѣ уже болѣе 1.300.000 мулатовъ.

Затѣмъ не всѣ различія между человѣческими расами такъ рѣзки, какъ различія между неграми и бѣлыми. У насъ въ Россіи, на примѣръ, не мало представителей монгольской расы. Конечно, есть внѣшнія различія между ними и нами; но тѣмъ не менѣе всѣмъ извѣстно, что иногда люди съ монгольскими чертами бываютъ русскими въ полномъ смыслѣ этого слова. Многіе американскіе краснокожіе въ Канадѣ слились съ французскимъ населеніемъ; хотя они сохранили еще черты своей расы, они тѣмъ не менѣе вполне офранцузились.

Такимъ образомъ люди различныхъ расъ могутъ составлять одну національность. Но, съ другой стороны, люди одной расы могутъ составлять различныя національности. Не говоря уже о бѣлой расѣ, гдѣ есть французы, нѣмцы и русскіе, даже въ предѣлахъ славянской расы есть различныя національности: чешская, польская и проч. Прибавлю еще, что иногда очень трудно усмотрѣть различіе расы. Теперь антропологи утверждаютъ, что въ Европѣ три расы: Homo Europaeus (долихоцефалы—длинноголовые), Homo Alpinus (брахицефалы—короткоголовые) и Homo aegaeus. Но, чтобы различить эти расы, надо произвести измѣреніе черепа особеннымъ инструментомъ. На простой взглядъ невозможно различить долихоцефала отъ брахицефала. Ясно, что незамѣтныя расовыя различія не могутъ составлять причины ни объединенія, ни разединенія людей. Изъ всего сказаннаго можно заключить, что раса и національность не совпадаютъ одна съ другой.

Указываютъ далѣе на факторы болѣе социальнаго характера: на сходство такъ называемыхъ основъ, на сходство нравовъ и законодательства. Нельзя отрицать, что если въ од-

номъ обществѣ господствуетъ единобрачіе, а въ другомъ многобрачіе, эти общества не легко могутъ слиться одно съ другимъ. Это вѣрно. Но не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что общества съ одинаковыми основами составляютъ различныя національности, тогда какъ общества съ различными основами составляютъ одну національность. Въ 50-хъ годахъ нѣкоторые американцы поселились въ Ютѣ и завели тамъ многоженство. Изъ этого не слѣдуетъ, что они образовали отдѣльную національность. Они продолжали говорить по англійски и считали себя американцами. Съ другой стороны, хотя казанскіе татары и египетскіе арабы практикуютъ многобрачіе, тѣмъ не менѣе они не составляютъ одной національности.

Переходя къ нравамъ, нельзя не согласиться, что они заключаютъ въ себѣ въ извѣстной степени элементъ національности. Но нравы—понятіе весьма неопредѣленное и растяжимое. Что же касается до законодательства, то различныя народы могутъ имѣть одинъ законъ, и одинъ народъ можетъ имѣть различные законы. Въ теченіе почти одного столѣтія прирейнскій край имѣлъ кодексъ Наполеона. Изъ этого не слѣдуетъ, что жители этихъ нѣмецкихъ провинцій сдѣлались французами. Съ другой стороны, въ Сѣверо-Американскомъ союзѣ каждый штатъ имѣетъ специальное законодательство и часто весьма различное отъ сосѣда (на примѣръ, въ штатѣ Колорадо женщины принимаютъ участіе въ политическихъ выборахъ, а въ другихъ нѣтъ; въ Колорадо права женщины совершенно уравниваются съ правами мужчинъ—это коренной переворотъ общественныхъ основъ). Однако американцы составляютъ одну національность.

Лѣтъ сто тому назадъ почти всѣ отождествляли національность съ государствомъ и воображали, что всѣ

подданные одного монарха составляют одну национальность. Еще в 1866 г. известный бельгийский экономист, Эмиль де Лавелэ, признавался, что онъ весьма удивился, когда увидѣлъ этнографическую карту Австріи. Я самъ знаю многихъ французовъ, которые воображаютъ, что венгерцы—германскаго племени, потому что австрийскій императоръ—нѣмецъ.

Врядъ-ли стоитъ опровергать заблужденіе, смѣшивающее границы государства съ границами национальности. Всѣмъ извѣстно, что есть государства, состоящія изъ нѣсколькихъ национальностей, какъ есть национальности, раздѣленныя на нѣсколько государствъ, даже иногда враждебныхъ другъ другу. Такъ, Италія до 1859 и Германія до 1870 года были раздѣлены на много государствъ, которыя нерѣдко вели войны между собою.

Конечно, политическій союзъ имѣетъ большое значеніе для национальности, но далеко не исключительное и не всегда полезное. Такъ, мексиканскіе испанцы всею душой ненавидѣли Испанію, пока составляли съ нею политическій союзъ, а теперь, составляя отдѣльное государство, выказываютъ большія симпатіи по отношенію къ своей бывшей метрополіи.

Политическій союзъ оказываетъ еще одно вліяніе на национальность, на которое главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе Э. Ренанъ въ своей извѣстной брошюрѣ «Qu'est-ce qu'une nation». Вліяніе это—общность исторической судьбы. Ренанъ говоритъ, что когда извѣстная группа людей въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій раздѣляла радости и горести, тогда между ними создается особенная связь. Эта связь составляетъ главный элементъ национальности. Конечно, въ этомъ есть извѣстная доля правды. Но эта доля не такъ велика, какъ полагаль

Ренанъ. Болгарія въ теченіе пятисотъ лѣтъ (пятьсотъ лѣтъ—длинный періодъ даже для народа) раздѣляла историческую судьбу Турціи, но изъ этого далеко не слѣдуетъ, что болгары стали турками. Копты, въ Египтѣ раздѣляютъ судьбу арабовъ съ 630 года и тѣмъ не менѣе не слились съ ними. Итакъ, политическій союзъ играетъ извѣстную роль въ образованіи национальности, но далеко не первенствующую.

Первенствующую роль, съ гораздо большимъ основаніемъ, слѣдуетъ приписать языку. Пока люди не могутъ понимать другъ друга, никакая общность между ними невозможна. Родной языкъ составляетъ одну изъ самыхъ крѣпкихъ связей между людьми, если не самую крѣпкую. Всѣми признано, что языкъ вѣрнѣйшая отличительная черта национальности. Даже дипломаты этого не отрицаютъ.

Тѣмъ не менѣе невозможно вполнѣ отождествить национальность съ языкомъ. Прежде всего трудно сказать, гдѣ кончается одинъ языкъ, и гдѣ начинается другой. Во Франціи два главныхъ языка: на сѣверѣ langue d'oïl и на югѣ langue d'oc. Переходъ нарѣчій одного языка къ нарѣчіямъ другого почти незамѣтенъ. Народный говоръ въ окрестностяхъ Ліона составляетъ такую смѣсь, что трудно опредѣлить, принадлежитъ ли онъ къ langue d'oïl или къ langue d'oc.

Но есть и другая причина, и самая главная, въ силу которой нельзя отождествлять национальность съ языкомъ. Если-бы люди могли говорить *только на одномъ языкѣ*, языкъ и национальность составляли бы тождественное понятіе. Но люди могутъ говорить на нѣсколькихъ языкахъ, и громадное большинство людей знаетъ два языка. Нигдѣ языкъ интеллигенціи не похожъ абсолютно

на языкъ народный. Даже въ большихъ городахъ, составляющихъ культурные центры, гдѣ образованіе развито чрезвычайно, гдѣ нѣтъ почти безграмотныхъ, и тамъ языкъ народный отличается отъ языка интеллигенціи. Мѣстный говоръ парижскаго народа все таки не французскій литературный языкъ. Это было всегда такъ. Въ Римѣ народъ говорилъ на языкѣ весьма различномъ отъ того, на которомъ писалъ Горацій. Въ то время, когда этотъ поэтъ называлъ лошадь equus, его слуга называлъ ее caballus. Въ наше время многіе литературные языки сдѣлались мертвыми. Нѣтъ ни одного уголка Италіи (быть можетъ за исключеніемъ города Рима), гдѣ простой народъ говоритъ на италіанскомъ литературномъ языкѣ. Мѣстные нарѣчія существуютъ также повсемѣстно во Франціи, въ Англии и въ другихъ странахъ. Какъ только мало-мальски развивается народное образованіе, каждый человѣкъ изъ низшихъ классовъ (а они составляютъ большинство населенія, быть можетъ около 80 или 90%) начинаетъ говорить на двухъ языкахъ: на своемъ мѣстномъ нарѣчій и на литературномъ языкѣ. А такъ какъ литературный языкъ имѣетъ гораздо больше значенія въ культурномъ отношеніи, чѣмъ мѣстный говоръ, то литературный языкъ скорѣе, чѣмъ народный, опредѣляетъ границы національности. Вотъ почему, хотя мѣстный говоръ въ Эльзасѣ германскій, культурный языкъ эльзасцевъ французскій, — а потому эльзасцы чувствуютъ себя не нѣмцами, а французами.

Благодаря тому обстоятельству, что человѣкъ можетъ знать болѣе одного языка, нельзя отождествлять національность съ языкомъ. Французы въ Канадѣ почти всѣ знаютъ англійскій языкъ. Изъ этого не слѣдуетъ, что они перестаютъ быть французами. Раньше вся

русская знать почти исключительно говорила по-французски. Многія важныя государственныя дѣла писались на этомъ языкѣ. Изъ этого не слѣдуетъ, что русскіе аристократы считали себя французами.

Слѣдовательно, языкъ и національность не составляютъ абсолютно тождественнаго понятія.

Религія имѣетъ также громадное значеніе. Она создаетъ наше міровоззрѣніе, отвѣчаетъ на важнѣйшіе вопросы жизни и даетъ пицу самымъ глубокимъ потребностямъ нашей души. Вотъ почему религія составляетъ такую могущественную связь между людьми, а въ первобытной стадіи культуры, можно даже сказать, самую могущественную связь. Но на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія религія теряетъ уже преобладающее значеніе, потому что другіе факторы начинаютъ играть болѣе или менѣе выдающуюся роль. Въ наше время отождествленіе религіи съ національностью уже положительно невозможно. Греки и русскіе исповѣдуютъ православіе, но тѣмъ не менѣе принадлежатъ различнымъ національностямъ. Съ другой стороны, люди различныхъ вѣроисповѣданій, даже враждебныхъ, могутъ принадлежать одной національности. Всѣмъ извѣстно, какъ французскіе католики преслѣдовали французскихъ кальвинистовъ и какъ жестоко они съ ними обращались. Тѣмъ не менѣе французскіе кальвинисты и французскіе католики составляли одну національность. Въ Бенгаліи многіе жители исповѣдуютъ магометанскую вѣру, но не перестаютъ быть индусами. Наконецъ, есть лица, которыя не принадлежатъ никакому вѣроисповѣданію. Изъ этого не слѣдуетъ, что они не принадлежатъ никакой національности. Такія лица есть между англичанами, нѣмцами, италіанцами; они составляютъ часть этихъ національностей.

Такимъ образомъ, одна національность можетъ дѣлиться на нѣсколько религій и одна религія—на нѣсколько національностей. Слѣдовательно и эти понятія не тождественны.

Остается послѣдній элементъ національности—культура. Культура обнимаетъ собою совокупность психическихъ явленій общества: литературу, искусство, философію и науку. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что культура тѣснѣе всего связана съ понятіемъ о національности. Ибо, если православная религія, напримѣръ, можетъ исповѣдываться и не русскими, то русская культура можетъ принадлежать только русскому народу. Если-бы другой народъ, нынѣ обладающій своей культурой, отказался-бы отъ нея и принялъ русскую культуру, этотъ народъ вошелъ-бы въ составъ русской національности. Борьба національностей сводится, вообще говоря, на борьбу культуръ. Германизация означаетъ присоединеніе къ нѣмецкой культурѣ, англизация—къ англійской и т. д.

Безъ сомнѣнія, культура играетъ преобладающую роль въ понятіи о національности. Но тѣмъ не менѣе нѣтъ полного тождества между культурой и національностью.

Прежде всего культура представляетъ собою массу самыхъ разнообразныхъ явленій. Трудно установить границы области, обнимаемой культурой. Но самое главное то, что границы культурныхъ явленій не совпадаютъ всегда съ границами національными. Посмотримъ на эти факты поближе.

Изъ всѣхъ культурныхъ явленій самый рѣзкій національный характеръ носить, конечно, литература. Русская литература принадлежитъ только русскому народу, польская—польскому. Разъ русскій человѣкъ пишетъ бел-

летристическое сочиненіе по-нѣмецки или по-англійски, это сочиненіе принадлежитъ нѣмецкой или англійской литературѣ, и этотъ русскій становится нѣмецкимъ или англійскимъ писателемъ. Это очевидно. Но надо вспомнить то, что было сказано о языкѣ. Люди могутъ знать нѣсколько языковъ. Въ Италіи каждая область имѣетъ свое нарѣчіе, и нѣкоторыя такія нарѣчія, какъ напримѣръ, венеціанское и неаполитанское, имѣютъ довольно богатую литературу. Тѣмъ не менѣе интеллигентные венеціанцы и неаполитанцы считаютъ родными поэтами Данте, Тассо, Леопарди, Альфьери. Слѣдовательно, для этихъ людей есть *два* національныя литературы. Слѣдовательно, полное отождествленіе даже литературч съ національностью невозможно.

Конечно, такое полное отождествленіе еще менѣе возможно въ области искусства. Долго мы, русскіе, заимствовали наши архитектурныя формы у византійцевъ, а затѣмъ у италіанцевъ. Изъ этого не слѣдуетъ, что мы сдѣлались греками и италіанцами. Нѣмцы заимствовали у французовъ готическую архитектуру, не переставая быть нѣмцами. То же самое можно сказать о живописи. Русскіе живописцы XVIII столѣтія писали, какъ писали въ то время французы; въ наше время пишутъ отчасти, какъ ихъ западные товарищи. Русская школа живописи пережила классицизмъ, романтизмъ, реализмъ и импрессионизмъ. А такъ какъ эти школы созданы на западѣ, видно, что границы національности и школъ живописи не всегда совпадаютъ. Одна школа можетъ обнимать нѣсколько національностей, и въ предѣлахъ одной національности можетъ быть нѣсколько школъ. Въ области пластическихъ искусствъ мы наблюдаемъ то же самое, что и въ области религіи.

Изъ всѣхъ искусствъ самое неопредѣленное, конечно, музыка. Трудно сказать, почему такая мелодія—скорѣе русская, чѣмъ нѣмецкая. Намъ, русскимъ, чрезвычайно нравятся произведенія великихъ нѣмецкихъ композиторовъ, какъ Моцартъ, Бетговеи и Мендельсонъ, а нѣмцамъ—произведенія нашихъ. Недавно «Евгеній Онѣгинъ» Чайковского былъ поставленъ на вѣнской сценѣ и имѣлъ большой успѣхъ. Французъ Бюфелди, подражалъ моцартовскому жанру поразительнымъ образомъ. Следовательно, и музыка не имѣетъ абсолютно специфическаго національнаго характера.

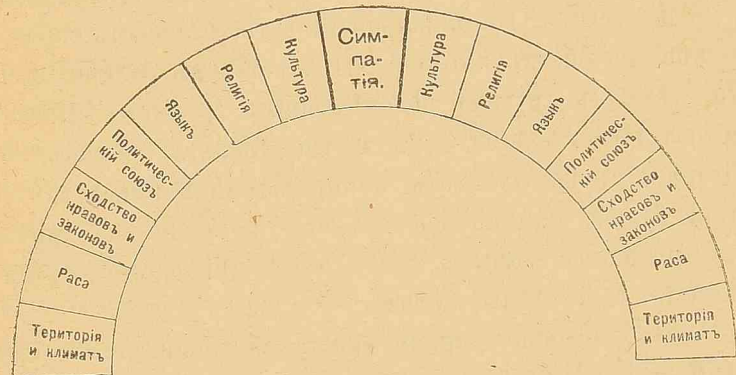
Переходя отъ искусства къ философіи и наукѣ, мы переносимся въ область еще болѣе общечеловѣческую. Одно время греческая философія распространилась по всей Европѣ. Ученія Платона пользовались громадною популярностью въ Италіи въ XV столѣтіи. Но изъ этого не слѣдуетъ, что италіянцы сдѣлались греками. Также и мы, русскіе, увлекались когда-то ученіемъ Гегеля, но изъ-за этого не превратились въ нѣмцевъ.

О наукѣ и говорить нечего. Какъ совершенно справедливо повторяютъ, наука не знаетъ границъ. Наша физика, химія и антропология ни въ чемъ не отличаются отъ физики, химіи, антропологии французовъ или англичанъ.

Какой-же, наконецъ, отличительный элементъ національности? Какой изъ приведенныхъ выше факторовъ имѣетъ преобладающее значеніе? Никакой въ отдѣльности, но всѣ въ совокупности.

Лучше всего явленіе національности можно графически изобразить посредствомъ свода.

Каждая балка можетъ сама по себѣ поддерживать извѣстный грузъ. Но каждый отдѣльный клинъ въ сводѣ не можетъ сдѣлать ничего. Клинья держать тяжесть

только благодаря совокупному взаимодействию. Такъ и въ національности. Ни раса, ни языкъ, ни религія, ни культура сами по себѣ не составляютъ національности, но всѣ эти элементы составляютъ ее, когда къ нимъ прибавляется еще одинъ, самый важный, о которомъ я еще не говорилъ до сихъ поръ.

Возвращаюсь къ своду. Извѣстно, что его всегда начинаютъ съ такъ называемыхъ пятъ. Ставятъ сперва горизонтальный клинъ, потомъ болѣе вертикальные, но всѣ эти клинья не имѣютъ ни малѣйшаго значенія, пока не поставленъ послѣдній—центральный, называемый замкомъ. Только, когда есть замокъ, сводъ органически существуетъ, можетъ иногда просуществовать цѣлыя тысячелѣтія и выдерживать самое большое давленіе. Замокъ есть душа свода, если можно такъ выразиться. Замокъ есть то, что даетъ всѣмъ клиньямъ возможность оказать свое дѣйствіе. Такъ и въ обществахъ.

Раса, языкъ, религія, культура для того, чтобы составить національность, должны быть связаны чувствомъ симпатіи. Гдѣ этой симпатіи нѣтъ, какія бы ни были сходства во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, національности не существуетъ. Национальность есть, главнымъ образомъ, группа людей, къ которой мы чувствуемъ больше симпатіи, чѣмъ къ другимъ человѣческимъ группамъ. Вотъ эта симпатія составляетъ тотъ могущественный замокъ, безъ котораго другіе элементы не производятъ никакого дѣйствія. Наша національность—это то общество, которое мы признаемъ своимъ, роднымъ, а признаемъ своимъ и роднымъ то, что мы любимъ.

Въ настоящее время между англичанами и ирландцами есть почти вся совокупность элементовъ, составляющихъ національность: раса, языкъ, политическій союзъ, экономическій союзъ, культура. Религія, правда, другая, но католики есть не только въ Ирландіи; они есть и въ Англии. Кромѣ того, католическая церковь уже теперь пользуется полной свободой въ Ирландіи. Тѣмъ не менѣе ирландцы не признаютъ себя англичанами. Почему? Потому что они ненавидятъ англичанъ.

Итакъ, при наличности всѣхъ клиньевъ, но при отсутствіи главнаго изъ нихъ, вѣнчающаго замка—симпатіи, національности нѣтъ.

Съ другой стороны, при отсутствіи не только многихъ, а почти всѣхъ элементовъ, но при наличности симпатіи, національность можетъ образоваться.

Въ этомъ отношеніи самый замѣчательный примѣръ представляетъ Швейцарія. Здѣсь различія громадны. Съ одной стороны высокія горы, страшные утесы, узкія долины. Съ другой—мѣстности почти ровныя. Различіе полное также въ экономическихъ занятіяхъ: въ горныхъ

кантонахъ главное занятіе населенія—скотоводство; въ кантонахъ западныхъ—сильно развита промышленность. На востокъ—совершенная демократія; на западъ—большее неравенство состояній и долгое преобладаніе аристократическаго правленія. Также большое различіе религій. Фрибургскій кантонъ—очагъ католическаго фанатизма; Женева—столица кальвинизма. Далѣе, въ Швейцаріи самое разноплеменное населеніе: нѣмцы, французы, италіанцы и романцы. Не смотря на всѣ эти разъединяющіе элементы, Швейцарія составляетъ сильно сплоченное населеніе. Я самъ могъ убѣдиться на дѣлѣ, насколько это такъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ въ Лугано. Все тамъ напоминаетъ Италію: языкъ, нравы, религія, дома, улицы, словомъ, все. Лугано—та же Ломбардія. Разговаривая съ однимъ мѣстнымъ жителемъ, я ему сказалъ: „Какіе же вы швейцарцы? Вы въ сущности италіанцы“. Тогда этотъ человѣкъ посмотрѣлъ на меня дико и сказалъ злобно: „Какое вы имѣете право меня оскорблять? Я не италіанецъ—я швейцарецъ“.

Почему же, не смотря на столь различные элементы, швейцарцы чувствуютъ себя однимъ народомъ? Да потому, что они питаютъ другъ къ другу болѣе симпатіи, чѣмъ къ остальному міру. Для жителя Жeneвы Бернъ и Цюрихъ есть свое, родное, хотя житель Женевы очень часто не въ состояніи понять жителя Цюриха.

Изъ всего сказаннаго выходитъ, что національность живетъ въ глубинѣ души человѣческой. Она не только духовное явленіе, но главнымъ образомъ—дѣло чувства. А чувство—неукротимая, непоколебимая твердыня. Возможно убѣдить человѣка хорошими логическими доводами, но невозможно заставить его любить то, что ему кажется ненавистнымъ.

Итакъ, если національность есть явленіе исключительно психологическое, то очевидно, что въ борьбѣ національностей могутъ имѣть дѣйствительные результаты только приемы чисто психологическаго свойства.

II.

Многіе воображаютъ, что мы живемъ теперь въ переходномъ состояніи, но что придетъ пора, когда нынѣ волнующіе насъ вопросы будутъ разрѣшены, и тогда установится правильный и окончательный общественный порядокъ. Что нынѣшніе вопросы будутъ когда-нибудь разрѣшены, нѣтъ никакого сомнѣнія. Но тогда возникнутъ другіе, и переходное состояніе общества будетъ продолжаться на земномъ шарѣ, пока будетъ жизнь. Вселенная никогда не узнаетъ окончательнаго порядка, потому что *скончательный* порядокъ предполагаетъ прекращеніе перемѣнъ, а прекращеніе перемѣнъ значитъ прекращеніе движенія. Для всѣхъ, конечно, понятно, что прекращеніе движенія — чистая метафизика. Вещество и движеніе есть одно и то-же.

Все живое движется, слѣдовательно, и общество движется, слѣдовательно, оно измѣняется. Нѣтъ надобности указывать на то, что всѣ явленія, экономическія и политическія сводятся на движеніе. Производство богатства есть не что иное, какъ добываніе извѣстныхъ веществъ, находящихся на земномъ шарѣ, и преобразовываніе ихъ для потребностей человѣка. Торговля есть не что иное, какъ перемѣщеніе товаровъ.

Такъ какъ жизнь и движеніе—тождественныя понятія, можно заключить а priori, что никакія этнографическія и культурныя границы не могутъ быть постоянны. Фак-

ты это подтверждаютъ. Мы видимъ, что географическая площадь языковъ мѣняется постоянно. Бываютъ различныя колебанія то въ одну сторону, то въ другую.

Въ настоящее время въ Швейцаріи, въ Фрибургскомъ кантонѣ, гдѣ граница между французскимъ и нѣмецкимъ населеніемъ, французскій языкъ все подвигается впередъ, а нѣмецкій отстываетъ. Въ Бельгіи то-же самое. Лингвистическая граница проходитъ недалеко отъ Брюсселя. Но въ самомъ Брюсселѣ, въ нижней части города, занимаемой болѣе бѣднымъ населеніемъ, преобладаетъ фламандскій языкъ, а въ верхней части, гдѣ живутъ болѣе обеспеченные люди, преобладаетъ французскій. У насъ, на Волгѣ и въ Сибири, площадь языка черемисовъ, вотяковъ, башкировъ и киргизовъ все сокращается въ пользу русскаго. То-же самое повторяется во всѣхъ странахъ міра. Въ Южной Индіи тамильскій языкъ все расширяетъ свою территорію во вредъ языку телегу. На Филиппинскихъ островахъ языкъ тагалъ постоянно завоевываетъ площадь сосѣднихъ нарѣчій. Въ прошломъ было то-же, что и въ настоящемъ. Начиная съ нашего лѣтоисчисленія, латинскій языкъ все болѣе и болѣе распространяется на западѣ. Въ Сициліи культурнымъ языкомъ была греческій. Мало по малу онъ исчезаетъ. Въ Калабріи еще въ X столѣтіи послѣ Р. X. говорили по-гречески. Теперь греческій языкъ тамъ совершенно забытъ. Кельтійскіе языки еще существовали въ Галліи въ VI столѣтіи, въ эпоху Хлодвига. Въ теченіе среднихъ вѣковъ они постепенно уступали мѣсто латинскому нарѣчію, изъ котораго образовался французскій языкъ. Кромѣ того наблюдается движеніе въ противоположныхъ направленіяхъ. Есть основаніе предполагать, что германскія нарѣчія занимали раньше въ Галліи гораздо большую

площадь, чѣмъ теперь. Такимъ образомъ германскія нарѣчія сначала завоевывали Галлію, а потомъ теряли въ ней почву. Такимъ же образомъ въ Пелопонесѣ еще въ XV столѣтіи говорили по-славянски, а теперь, какъ и въ древности, говорятъ по-гречески. Такихъ примѣровъ я могъ-бы привести безчисленное множество.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что неизблемыхъ лингвистическихъ границъ никогда не было, нѣтъ и, можно съ увѣренностью сказать, никогда не будетъ. Все, что живетъ, мѣняется.

Границы культуры также перемѣщаются постоянно, какъ и границы языковъ. Въ древности греческая культура дѣлаетъ значительныя завоеванія на востокъ. Египетъ забываетъ свое національное искусство и строитъ зданія по эллинскимъ образцамъ. Въ Сиріи также греческія формы преобладаютъ. Китайская культура распространяется на Индо-Китай и Японію; индійская культура — на островъ Яву. Нынѣ почти все азіатскія культуры уступаютъ почву европейской. У насъ, въ Россіи, одно время вся культура облекалась въ византійскія формы, затѣмъ все болѣе и болѣе — въ западно-европейскія. Наблюдаются также движенія взадъ и впередъ. Напримѣръ, въ Сѣверной Африкѣ одно время преобладала греко-римская культура (нѣкоторые знаменитые латинскіе писатели, какъ Апулей, были африканцы), затѣмъ она замѣнилась арабскою, а въ наше время опять переходитъ къ западно-европейской, происходящей отъ греко-римской. Слѣдовательно, и границы культуры такъ-же неустойчивы, какъ и границы языковъ.

Вѣчныя колебанія этихъ границъ — явленіе, основанное на общихъ міровыхъ законахъ. Это не что иное, какъ проявленіе, въ области соціальной, вѣчнаго движе-

нія вещества. Никогда не наступитъ время, когда будутъ существовать гдѣ либо совершенно объединившіяся государства. Всегда и вездѣ, во всехъ государствахъ будутъ инородцы, ибо невозможно согласовать ежедневно границы политическія съ границами лингвистическими. Никогда не будетъ государства съ совершенно однороднымъ населеніемъ. Существованіе инородцевъ не есть зло, противъ котораго слѣдуетъ бороться административными мѣрами; это явленіе необходимое, постоянное, явленіе въ природѣ вещей. Границы лингвистическія колеблются ежедневно, но только въ такихъ малыхъ пропорціяхъ, что мы этого не замѣчаемъ. Колебанія языковъ и культуръ происходятъ вслѣдствіе самыхъ разнообразныхъ факторовъ. Ихъ можно раздѣлить на слѣдующія главныя группы: факторы фізіологическіе, экономическіе, политическіе и этические. Конечно, для того, чтобы мало мальски обстоятельно изложить дѣйствіе этихъ факторовъ потребовалась-бы не одна лекція, а цѣлый курсъ, поэтому я укажу здѣсь только на нѣкоторые факты и на самыя важныя.

Изъ фізіологическихъ факторовъ первое мѣсто занимаетъ рождаемость и смертность. Въ нѣкоторыхъ странахъ рождаемость очень велика: она доходитъ, какъ у насъ, въ Россіи, до 48 на тысячу въ годъ, въ другихъ очень слаба (23 на 1000). Понятно, что *ceteris paribus*, однѣ страны будутъ заселяться медленнѣе другихъ и будутъ естественное теченіе изъ болѣе заселенныхъ къ менѣе заселеннымъ. Тогда будетъ расширяться лингвистическая граница того народа, у котораго рождаемость болѣе велика.

Переходя затѣмъ въ область экономическую, мы встрѣчаемся съ такою массою явленій, что ихъ даже

трудно перечислить. Я здѣсь и укажу только на нѣкоторые факты. Такъ, границы польскаго языка теперь расширяются въ Восточной Пруссіи. Это происходитъ потому, что нѣмцы покидаютъ все больше и больше деревни и отправляются въ города, гдѣ жизнь пріятнѣе и заработки больше. Мѣста, оставленныя нѣмцами занимаются поляками, и площадь польскаго языка расширяется. То - же самое мы видимъ въ Южномъ Тиролю. Италіанскій земледѣлецъ менѣе взыскателенъ, чѣмъ нѣмецъ. Нѣмцы отправляются искать болѣе прибыльныхъ занятія и уступаютъ свои поля италіанцамъ. Такимъ образомъ граница италіанскаго языка передвигается къ сѣверу.

Здѣсь мы видимъ экономическое явленіе, которое дѣйствуетъ, такъ сказать, снизу вверхъ. Само собою разумѣется, бываютъ и противоположныя. Начиная съ XIV столѣтія, многіе нѣмцы поселились въ Чехіи, и почти исключительно въ городахъ. Мало по малу вся сѣверная часть Богеміи германизировалась. Римское вліяніе также распространялось, главнымъ образомъ, чрезъ города. Долго еще въ деревняхъ Галліи продолжали говорить на мѣстныхъ кельтскихъ нарѣчіяхъ, когда въ городахъ преобладалъ латинскій языкъ.

Политическіе факторы въ дѣлѣ сліянія національностей весьма многочисленны и весьма разнообразны. Но я буду говорить о нихъ дальше.

Перехожу теперь къ факторамъ умственнымъ, которые важнѣе всѣхъ другихъ. Въ дѣлѣ борьбы національностей они играютъ, естественно, преобладающую роль потому, что національность—явленіе интеллектуальнаго характера.

Естественный процессъ расширенія границы языка можно лучше всего наблюдать въ Швейцаріи, гдѣ, благодаря

полноправности языковъ, умственные факторы дѣйствуютъ одни. Граница между французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ находится во Фрибургскомъ кантонѣ. Здѣсь, на пограничной полосѣ, почти все населеніе знаетъ оба языка. Но замѣчено, что въ тѣхъ семействахъ, гдѣ употребляется нѣмецкій и французскій языки, послѣдній мало по малу вытѣсняетъ первый, и граница французскаго языка все подвигается впередъ. Это потому, что французскій языкъ *легче*. Здѣсь, въ области лингвистической, мы видимъ опять проявленіе общаго закона природы. Въ природѣ всякое движеніе происходитъ по линіи наименьшаго сопротивленія. А этотъ законъ, въ области психической и общественной, принимаетъ форму цѣлесообразности. При двухъ способахъ, дающихъ возможность достигнуть желаннаго результата, всякій человѣкъ выбираетъ наилегчайшій, или, другими словами, болѣе цѣлесообразный. Этотъ законъ вліяетъ на перемѣщеніе границъ языковъ и культуръ.

Я уже сказалъ, что слово *культура* обнимаетъ весьма разнообразныя явленія: технику, науку, искусства, литературу и пр. Каждое изъ этихъ явленій играетъ извѣстную роль въ борьбѣ культуръ. Немаловажную роль играетъ и техника. Въ настоящее время, на земномъ шарѣ, двѣ культуры самыя разнохарактерныя, самыя непримиримыя, это—китайская и западно-еропейская. Обѣ эти культуры вполнѣ закончены, если такъ можно выразиться.

Китай еще непроницаемъ для европейской науки и искусства, но техника европейская уже дѣлаетъ тамъ значительныя завоеванія. Въ Китаѣ устроено нѣсколько заводовъ со всѣми новѣйшими усовершенствованіями, и не на европейскіе, а на китайскіе капиталы. Теперь по-

говариваютъ о желѣзныхъ дорогахъ. Очевидно, китайцы устроили у себя телеграфы потому, что убѣдились, что этотъ способъ передачи извѣстій болѣе успѣшенъ, чѣмъ ихъ старый, національный способъ. Болѣе успѣшный, значитъ, достигающій цѣли съ наименьшими усиліями, слѣдовательно, болѣе цѣлесообразный. Но понятно, что всякое заимствованіе техники другого народа влечетъ за собою, мало по малу, и заимствованія его научныхъ теорій. Такимъ образомъ и мы, въ VI столѣтіи, какъ китайцы теперь, заимствовали прежде всего техническіе приемы изъ Западной Европы, напримѣръ, отливку пушекъ и т. п. Но затѣмъ намъ необходимо было техническіе приемы обосновать теоретическими знаніями, и мы заимствовали западно-европейскую науку.

Другое теченіе культурное тоже весьма могущественное—это искусство. Здѣсь то-же, та форма, которая доставляетъ большее количество удовольствія, беретъ верхъ. У насъ, въ Россіи, не было въ XVII столѣтіи такихъ разнообразныхъ и благозвучныхъ музыкальных инструментовъ, какъ на западѣ. Вотъ почему мы ввели у себя полный западно-европейскій оркестръ.

Однимъ словомъ, при соприкосновеніи двухъ культуръ, самая совершенная беретъ верхъ, а менѣ совершенная теряетъ почву. Это одинъ изъ основныхъ социальныхъ законовъ. Но, конечно, явленія общественныя весьма сложны и весьма разнообразны. Очень часто невозможно опредѣлить, какая культура болѣе совершенная и какая менѣ совершенная. При равенствѣ культуръ, умственные явленія отходятъ на второй планъ, а на первый выступаютъ обстоятельства этического свойства. Тогда можно сказать, что въ борьбѣ двухъ болѣе или менѣ

равныхъ культуръ, та беретъ верхъ, которая возбуждаетъ наиболѣе симпатіи.

Въ настоящее время, напримѣръ, испанскія общества Южной Америки не могутъ жить только своими собственными умственными произведеніями. У нихъ не появляется достаточно беллетристическихъ и научныхъ сочиненій. Они должны пока ихъ заимствовать изъ Европы. Тутъ является для нихъ два поставщика: Англія и Франція. Которая изъ этихъ націй возьметъ верхъ? Если Южная Америка не выработаетъ своей собственной культуры, будетъ ли она говорить по-англійски или по-французски? Трудно сказать, но во всякомъ случаѣ конечный результатъ будетъ зависѣть отъ степени симпатіи, которую будетъ возбуждать Франція или Англія.

То-же самое можно сказать и относительно Голландіи. Это слишкомъ маленькая народность. Голландцевъ только пять милліоновъ. Нельзя быть вполне культурнымъ человѣкомъ, зная только одинъ голландскій языкъ. Всѣ голландцы высшихъ классовъ знаютъ еще иностранные языки. Рано или поздно голландская національность сольется съ какой-нибудь изъ большихъ народностей Европы. Но какая возьметъ верхъ? Франція, Германія или Англія? Это тоже трудно предвидѣть. Положительно можно только сказать, что возьметъ верхъ та національность, которая будетъ возбуждать больше симпатіи у голландцевъ.

Посмотримъ теперь на національную борьбу съ точки зрѣнія индивидуальной жизни.

Понятно, что всѣ явленія общественныя сводятся на индивидуальную жизнь. Но отдѣльные случаи менѣ замѣтны, чѣмъ общія движенія. Такъ, въ нѣкоторыхъ нашихъ областяхъ говорили раньше на финскихъ нарѣчіяхъ, те-

перъ тамъ говорятъ по-русски. Это произошло потому, что постепенно, одинъ за другимъ, каждый житель этой области оставилъ свое финское нарѣчіе и сталъ говорить по-русски. Но всякій такой индивидуальный переходъ не былъ замѣченъ. Только послѣ многихъ лѣтъ была замѣчена совокупность этихъ отдѣльныхъ дѣйствій.

Для того, чтобы хорошо понимать общественныя явленія, надо ихъ разсматривать съ точки зрѣнія индивидуальной жизни. Возьмемъ для примѣра англичанина, поселившагося въ центральной Африкѣ въ, такъ называемой, Родезіи. Англичанинъ этотъ, конечно, будетъ изучать языкъ туземцевъ для того, чтобы дѣлать дѣла съ ними. Но ясно, что африканскіе народы не въ состояніи будутъ ассимилировать этого англичанина. Англичанинъ будетъ черпать всю свою умственную и научную жизнь изъ Англій, а не изъ туземной культуры, и такимъ образомъ останется англичаниномъ.

Наоборотъ, предположимъ, что индусъ пріѣзжаетъ въ Англію. Онъ здѣсь находитъ въ англійской научной литературѣ и въ беллетристикѣ полное удовлетвореніе для всѣхъ своихъ потребностей. Изучая англійскій языкъ, нашъ индусъ будетъ все больше и больше пользоваться имъ; онъ будетъ думать по-англійски. Тогда его ассимилированіе сдѣлаетъ значительный шагъ впередъ. Все это доказываетъ наше первое положеніе, что при неравенствѣ культуръ самая высшая беретъ верхъ.

Но что происходитъ при равенствѣ культуръ? Пусть англичанинъ поселился не въ Африкѣ, а во Франціи. Французская литература и культура ни въ чемъ не уступаютъ англійской. Англичанинъ можетъ черпать и въ одной и въ другой. Конечно, черезъ короткое время англичанинъ, поселившійся во Франціи, будетъ говорить

по-французски. Когда этотъ англичанинъ сдѣлается французомъ? Въ тотъ моментъ, когда онъ будетъ чувствовать болѣе симпатіи къ Франціи, чѣмъ къ Англій. Словомъ, когда его симпатіи перевалютъ на сторону Франціи. Если этого условія не будетъ, нашъ англичанинъ останется вѣчно иностранцемъ во Франціи. Симпатія, какъ я сказала раньше, есть основаніе національности. Англичанинъ можетъ думать по-французски, онъ можетъ быть католикомъ; всѣ его матеріальные интересы могутъ быть во Франціи, но пока онъ не чувствуетъ болѣе симпатіи къ Франціи, чѣмъ къ остальнымъ народностямъ, онъ не французъ.

Сопоставимъ, что происходитъ у насъ въ Россіи, съ тѣмъ, что происходитъ у мусульманскихъ народовъ, для того, чтобы нагляднѣе доказать, что ассимиляторская сила народа пропорціональна степени симпатіи, которую онъ умѣетъ возбуждать.

Въ путеводителѣ Беддекера по Россіи сказано, что средній и высшій классы живутъ въ Россіи лучше, чѣмъ въ Германіи. Что значитъ жить хорошо? Это значитъ, вообще имѣть возможность предоставлять себѣ большее количество удовольствій. Человѣкъ по природѣ своей скучаетъ въ одиночествѣ. Одно изъ болѣе пріятныхъ удовольствій это принимать у себя гостей. Но гостепріимство тоже показываетъ способность чувствовать скоро симпатію къ другимъ людямъ, ибо никто не приглашаетъ гостей, чувствуя къ нимъ антипатію. Вотъ, когда иностранецъ является къ намъ въ Россію и когда, благодаря нашей широкой жизни, мы вводимъ его въ наши дома, и скоро выказываемъ ему дружбу, иностранецъ не чувствуетъ уединенія; ему живется хорошо, и симпатіи его болѣе легко переваливаютъ на сторону Россіи. Тогда онъ пропасть для

своей первой національности и завоевань нами. Если въ Англіи или въ Германіи жизнь болѣе замкнутая, иностранецъ не такъ скоро сливается съ мѣстнымъ обществомъ. Это значитъ, что ассимиляторская сила Англіи или Германіи не такъ велика, какъ сила Россіи.

У мусульманскихъ народовъ общества, въ полномъ смыслѣ этого слова, не существуетъ, ибо женщина изъ него исключена. Слѣдовательно, замкнутость мусульманской жизни—самая большая, какъ есть. Вотъ почему, ассимиляторская сила мусульманъ такъ слаба. Турки жили нѣсколько столѣтій среди христіанскаго населенія, но ни въ какой степени не могли его ассимилировать. Женщина играетъ самую важную роль въ дѣлѣ ассимиляціи инородцевъ. Пока въ обществѣ бываютъ только мужчины, ихъ можетъ соединять одна дружба и симпатія. Но разъ въ обществѣ бываютъ мужчины и женщины, то ихъ можетъ соединять и страсть. Всѣмъ понятно, что сила страсти несоизмѣримо больше, чѣмъ сила дружбы. Какъ только есть страсть, заключаются браки между туземцами и инородцами, и эти инородцы поглащаются въ весьма короткое время. Одна изъ причинъ, почему мусульмане и христіане составляютъ два враждебныхъ лагеря въ Турціи это то, что законъ не разрѣшаетъ брачныхъ союзовъ между ними. Можно сказать вообще, что ассимиляторская сила даннаго общества равно пропорціональна высотѣ положенія, которое въ немъ занимаетъ женщина.

Въ Европѣ есть теперь нѣсколько единокультурныхъ государствъ, если такъ можно выразиться, гдѣ граждане слились болѣе или менѣе въ одну національность. Такова, напримѣръ, Франція. Извѣстно, что политическое объединеніе ея, собираніе французской земли, создано насильственными завоеваніями, стоящими потоковъ крови. Господ-

ствуетъ почти всеобщее мнѣніе, что національное единство Франціи достигнуто посредствомъ правительственныхъ мѣропріятій принудительнаго характера, то есть, посредствомъ грубой силы. «Единственныя гармоническія государственныя организаціи, существующія въ человѣчествѣ, говоритъ Г. Фагэ, это національности. Но онѣ не созданы и не сохраняются любовью. Онѣ созданы силою. Онѣ—результатъ борьбы изъ-за преобладанія и изъ-за богатства».

Многіе, даже весьма либеральные люди, думаютъ, что національное объединеніе невозможно безъ продолжительнаго періода принудительныхъ мѣръ. Надо прежде сокрушить враждебныя элементы въ государствѣ и когда уже оппозиція чувствуетъ свое безсиліе, тогда осуществляется національное объединеніе.

Это убѣжденіе совершенно ошибочно. На дѣлѣ выходитъ какъ разъ наоборотъ. Никто не станетъ, конечно, отрицать, что многія государства созданы путемъ грубаго насилія. Но національное объединеніе этихъ государствъ осуществилось только тогда, когда насиліе исчезло. Послѣ завоеванія покоренный народъ протестуетъ. Такъ, напри- мѣръ, до сихъ поръ ганноверцы протестуютъ противъ прусскаго завоеванія 1866 года. Но если условія, въ которыя поставлены побѣжденные, не очень тяжки, съ теченіемъ времени протестъ все болѣе и болѣе забывается. И вотъ, когда онъ совершенно исчезаетъ изъ народнаго сознанія, тогда только начинается національное объединеніе. Факты вполне подтверждаютъ, что симпатія, а не грубая сила создаетъ національность, и стоитъ только поближе всмотрѣться въ дѣло, чтобы въ этомъ убѣдиться.

Въ самомъ дѣлѣ, чего можно достигнуть посредствомъ принудительныхъ мѣръ? Только внѣшнихъ проявленій, но ничего больше. Для религіознаго объединенія

страны можно запретить, напимѣрь, строить иновѣрческіе храмы. Тогда вѣрующіе будутъ тайно собираться въ частныхъ домахъ. Такихъ примѣровъ безчисленное множество. Ирландцы собирались на поляхъ ночью, чтобы молиться Богу. Во время французской революціи, такъ называемыя *grêtres insermentés*, дѣлали то же съ своею паствою. Принудительными мѣрами по отношенію къ религіи можно только достигнуть внѣшнихъ и только формальныхъ проявленій. То, что происходитъ въ глубинѣ души человѣческой, абсолютно не поддается никакому внѣшнему контролю. Вообразите, что я попалъ къ какимъ нибудь фанатикамъ мусульманамъ. Они мнѣ скажутъ: если вы торжественно не заявите, что Магометъ былъ пророкъ Божій, мы васъ убьемъ, или лишимъ васъ всѣхъ правъ состоянія. Конечно, для спасенія моей жизни и моего имущества я могу сдѣлать такое заявленіе, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что я повѣрю въ Магомета. Мое заявленіе будетъ чистою и пустою формальностью, не имѣющей никакой цѣны. Такимъ же образомъ разными принудительными мѣрами можно заставлять людей изучать и даже знать государственный языкъ. Я различаю „изучать“ и „знать“ потому, что многіе люди ухитряются изучать какой нибудь языкъ, но тѣмъ не менѣе его не знаютъ. Такъ бываетъ у насъ очень часто съ латинскимъ языкомъ. Многіе наши гимназисты, чувствуя къ нему ненависть, изучаютъ, но не знаютъ его. Но предположимъ даже, что инородцы будутъ знать государственный языкъ. Что же? Послѣ этого національное объединеніе не сдѣлаетъ ни одного шага впередъ. Опять здѣсь будетъ только чисто *внѣшнее* проявленіе. Меня могутъ заставить знать какой нибудь языкъ, но нѣтъ ни какой физической силы на свѣтѣ, которая можетъ заставить *полюбить* этотъ языкъ. А пока

инородецъ не будетъ любить государственнаго языка, всякій разъ, когда онъ будетъ *обязанъ* говорить на немъ, онъ будетъ испытывать непріятное чувство. Непріятное-же чувство порождаетъ ненависть, а ненависть — разъединеніе, ибо всякій человѣкъ старается избѣгать того, что ему непріятно. Такимъ образомъ насильственное преподаваніе государственнаго языка не только не ведетъ къ національному объединенію, но наоборотъ.

Можно представить безчисленное множество примѣровъ того, какъ административными мѣрами ставили только препятствія къ народнымъ слияніямъ. Въ Познани, въ началѣ нашего столѣтія поляки охотно изучали нѣмецкій языкъ; но съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецкій языкъ сталъ обязательнымъ предметомъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, все измѣнилось. Поляки изучаютъ его, но стараются его не знать (между собой они никогда не говорятъ по-нѣмецки). Раньше тоже бывали примѣры перехода поляковъ въ протестантскую вѣру. Но съ тѣхъ поръ, какъ началась государственная германизация Познани, эти переходы совершенно прекратились. Полякъ, который отрекся отъ католичества считается теперь опозореннымъ; никто не желаетъ съ нимъ вести знакомства. Раньше польскіе помѣщики часто продавали свои земли нѣмцамъ. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ прусское правительство уредило фондъ для покупки польскихъ имѣній и для водворенія нѣмецкихъ колонистовъ. Съ этого момента поляки перестали продавать свои земли нѣмцамъ, ибо это считалось уже дѣйствіемъ неблагоприятнымъ и позорнымъ. Не смотря на всѣ свои усилія, правительство могло водворить только шесть тысячъ нѣмцевъ въ Познани, гдѣ болѣе полутора милліоновъ поляковъ. Если бы прусское правительство преслѣдовало подѣ-

емъ польской національности въ Познани, а не ея искорененіе, оно иначе не поступало-бы, какъ поступаетъ теперь.

Можно сказать, что нѣмцы, въ извѣстной степени, создали возрожденіе чешскаго національнаго движенія. Послѣ долготѣняго сна, чешская національность пробудилась въ концѣ прошлаго вѣка. Мало по малу чехи стали требовать, совершенно естественно, полного уравненія ихъ языка съ языкомъ нѣмецкимъ. Но нѣмцы на это не соглашались. Тогда отношеніе между нѣмцами и чехами въ Австріи все болѣе и болѣе обострялось. Для чеховъ все нѣмецкое сдѣлалось ненавистнымъ, и они, путемъ очень большихъ усилій, стали создавать свое во всѣхъ областяхъ культуры. Чешскія изданія, по всѣмъ отраслямъ знанія, отличаются теперь большимъ совершенствомъ. Раньше чехи черпали почти все свое умственное развитіе изъ нѣмецкой литературы. Теперь они стараются ее игнорировать. Такимъ образомъ въ Австріи, какъ и въ Пруссіи, желаніе насильственно германизировать славянъ привело къ диаметрально противоположному результату. Другихъ такихъ примѣровъ я бы могъ привести массу изъ всѣхъ странъ міра.

Это совершенно естественно. Оно протстекаетъ изъ самой природы вещей. Національность основана на симпатіи. Достигнуть сліянія народностей посредствомъ насильственныхъ мѣръ также невозможно, какъ тушить пожаръ керосиномъ. Всякая насильственная мѣра порождаетъ вражду, стало быть производить разьединеніе а не объединеніе.

Разъ доказано, что насиліе служить главнымъ препятствіемъ къ національному сліянію, надо заключить что противоположная политика ведетъ скорѣй всего къ этой цѣли. Такъ оно и есть. Можно формулировать такой соціальній законъ: *быстрота ассимиляціи инородцевъ и иноязыцевъ прямо пропорціональна степени справедли-*

востии къ нимъ. Conditio sine qua non для ассимиляціи инородцевъ — это полное уравненіе ихъ правъ съ правами господствующаго населенія. Пока этого нѣтъ, сліяніе невозможно. У насъ въ Россіи есть безспорно много людей не-христіанскаго вѣроисповѣданія, которые во всемъ похожи на насъ. Они думаютъ по русски, они мало и даже совсѣмъ не знаютъ иностранныхъ языковъ; всѣми своими интересами они связаны съ нами; они даже могутъ любить Россію больше всѣхъ другихъ странъ. Но разъ законъ не предоставляетъ имъ всѣхъ правъ, которыми пользуются русскіе, они не могутъ не замѣтить, что между ними и русскими существуетъ какое-то различіе, — слѣдовательно, они не могутъ себя *чувствовать русскими.* Слѣдовательно, безъ полной равноправности нѣтъ возможности осуществить полного сліянія.

Доказательствомъ служить слѣдующій примѣръ: Парижскій король присоединилъ южную Францію къ своимъ владѣніямъ путемъ самыхъ страшныхъ кровопролитныхъ войнъ. На югѣ Франціи жили провансальцы. Въ XIII столѣтіи ихъ культура была несравнено выше французской. Провансальцы ненавидѣли французовъ. Было время, когда они предпочитали даже арабовъ. Провансальцы не чувствовали себя французами и еще въ XVII столѣтіи называли Францію только территорію сѣвернѣе отъ Луары. Послѣ завоеванія, правленіе французскаго короля въ Лангедокѣ было не изъ мягкихъ. Но уже съ XV столѣтія мы видимъ, что французскіе короли не дѣлаютъ никакого различія между югомъ и сѣверомъ и предоставляютъ совершенно такія же права жителямъ Лангедока, какъ жителямъ Парижа. *Вотъ, благодаря этому полному уравненію правъ, а не благодаря административнымъ мѣрамъ, французская національность объединилась такъ скоро.*

Перейдемъ теперь въ Турцію. Турки завоевали Фракію, Македонію и Болгарію въ XIV столѣтіи. Но основою турецкаго законодательства была неравноправность между господствующимъ племенемъ и иновѣрческими подданными. Въ Турціи только мусульмане могли принимать участіе въ управленіи государствомъ; только они могли поступать въ ряды войска. Каковы были результаты этой политики неравноправности? Совершенное обособленіе между завоевателями и завоеванными, тогда, какъ во Франціи произошло полное сліяніе. Въ 1877 году, когда мы пошли освобождать болгаръ, сліянія между болгарамъ и туркамъ было также мало, какъ и на другой день, послѣ сраженія на Коссовомъ полѣ въ 1389 г. Слѣдовательно, въ теченіе пяти столѣтій національное объединеніе Турціи не сдѣлало ни одного шага впередъ, потому что степень справедливости въ турецкомъ государствѣ была самая минимальная.

Еще другимъ доказательствомъ того, какъ исключительные законы препятствуютъ сліянію, служатъ евреи. Въ IV столѣтіи, когда христіанство сдѣлалось государственною религіею Римской имперіи, имперія эта имѣла, полагають, около 100 милліоновъ душъ населенія. Евреевъ, живущихъ внѣ Палестины, могло тогда быть много много 300 или 400 тысячъ человѣкъ. Ясно, что такое ничтожное количество должно было исчезнуть въ морѣ христіанскаго населенія, если-бы законъ не поставилъ ихъ въ исключительное положеніе. Но когда евреевъ заставляли жить въ отдѣльныхъ частяхъ города, когда ихъ заставляли носить спеціальное платье, когда въ юридическомъ отношеніи они были поставлены въ совершенно исключительныя условія, когда они не могли вступать въ браки съ христіанами—ясно, что евреи не могли слиться съ окружающимъ населеніемъ. Имъ это не было позволено; ихъ

обособляли законы христіанскихъ и мусульманскихъ государствъ. Не будь этихъ исключительныхъ законовъ, давно-бы объ евреяхъ не было-бы и помину. Они слились бы съ окружающимъ населеніемъ главнымъ образомъ посредствомъ браковъ. Не малое число лицъ изъ азіатскихъ странъ поселилось въ Италіи во время Римской имперіи. Всѣ они исчезли безслѣдно среди италіанскаго населенія. Такъ исчезли бы и евреи, если бы не препятствовало тому европейское законодательство.

Браки составляютъ всегда одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ сліянія народовъ. Законодатель, который желаетъ національнаго объединенія, долженъ всячески поощрять браки между господствующимъ населеніемъ и инородцами.

Итакъ, *ассимиляторская сила даннаго народа прямо пропорціональна степени справедливости, съ которою онъ относится къ инородцамъ.* Но гдѣ корень этой справедливости? Опять въ симпатіи. Разъ мы чувствуемъ симпатію къ извѣстному человѣку, мы признаемъ, что онъ нашъ, что онъ намъ родной. Намъ тогда и въ голову не приходитъ ставить его внѣ закона. Внѣ закона остаются только чужіе, иностранцы, то есть тѣ, съ которыми мы воюемъ, т. е. наши враги. Слѣдовательно, пока мы не чувствуемъ симпатіи къ инородцамъ, мы не находимъ возможности предоставить имъ полноправность, но разъ мы чувствуемъ эту симпатію, вполне справедливое къ нимъ отношеніе устанавливается немедленно. Изъ этого можно вывести, что *ассимиляторская сила даннаго народа равна пропорціональна его способности чувствовать симпатію къ инородцамъ.* Народъ, эгоистичный и замкнутый ассимилируетъ медленно, народъ добродушный и гостепріимный ассимилируетъ быстро. Властителемъ міра будетъ тотъ народъ, который сумѣетъ лучше завоевать симпатіи

другихъ. Но всёмъ извѣстно, что самое дѣйствительное средство, чтобы завоевать симпатію ближняго—это чувствовать симпатію къ нему.

Область, которую человѣкъ включаетъ въ предѣлы своихъ симпатій, можетъ постоянно расширяться. Мы можемъ любить нашу семью, нашъ родной городъ, наше государство, нашу національность. Дальше этого мы не идемъ. Но слѣдующій интересный примѣръ покажетъ, что можно идти и дальше.

Въ 1763 г. англичане завоевали французскія колоніи Сѣверной Америки. По понятіямъ тѣхъ временъ, для водворенія англійской національности они стали вводить тамъ всё тѣ порядки, которые и нынѣ еще сохраняются въ континентальной Европѣ. Англійскому языку даны были исключительныя права въ судѣ, въ школѣ и въ администраціи. Разными несправедливыми законами притѣснялся французскій элементъ. Французы, естественно, платили англичанамъ недовольствомъ и ненавистью. Отношенія до того обострились, что въ 1846 г. дѣло дошло до кровопролитія. Тогда англичане открыли глаза. Къ великой ихъ чести, они первые поняли, что грубая сила совершенно неприимима въ національныхъ вопросахъ. Они даровали полную равноправность французамъ. Они устроили въ Канадѣ федерацію областей, гдѣ французская провинція Куэбекъ находится въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ, какъ и англійскія. Въ настоящее время первый министръ федеральнаго канадскаго государства—французъ, сэръ Вильфридъ Лорье. Велѣдствіе этихъ новыхъ постановленій англійскаго правительства чувства французскихъ канадцевъ совершенно измѣнились. Они теперь торжественно заявляютъ, что если-бы даже была возможность, они не пожелали-бы опять присоединиться къ Франціи. Они выказываютъ полную преданность англійскому государству и полное

сочувствіе къ канадскимъ англичанамъ, которыхъ они считаютъ своими соотечественниками. Такимъ образомъ, французы и англичане—эти непримиримые враги, примирились въ Канадѣ, какъ и другіе непримиримые враги, французы и нѣмцы, примирились въ Швейцаріи. Теперь у канадскихъ французовъ, сверхъ симпатіи къ своей французской національности, за которую они держатся очень крѣпко, есть еще и симпатіи къ Великобританскому союзу. И все это достигнуто только однимъ путемъ—справедливостью.

Надо надѣяться, что скоро придетъ то время, когда во всёхъ цивилизованныхъ государствахъ будутъ относиться съ полною справедливостью ко всёмъ иностранцамъ, ко всёмъ инородцамъ и ко всёмъ иновѣрцамъ. Надо надѣяться, что скоро придетъ то время, когда исчезнетъ всякая узкая исключительность и когда «чужимъ» будутъ предоставлены рѣшительно всё гражданскія и политическія права, какъ своимъ. Тогда, помимо нашей собственной національности, мы будемъ чувствовать, что у насъ есть еще что-то родное: союзъ европейскихъ культурныхъ государствъ.

НАЦИОНАЛИЗМЪ.

«**Націонализмъ**», говоритъ Вл. Соловьевъ (Энци. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XX),—превращеніе живого народнаго самосознанія въ отвлеченный принципъ, утверждающій «національное», какъ безусловную противоположность «универсальнаго» и «свое родное», какъ безусловную противоположность «чужеземнаго». Первоначально слово «націонализмъ» не имѣло этого смысла, принадлежа къ англійской политической терминологіи, гдѣ оно обозначало стремленія ирландцевъ къ автономіи. Въ общемъ значеніи оно стало

употребляются преимущественно въ русской литературѣ, съ начала 80-хъ годовъ. Какъ отвлеченный принципъ, *націонализмъ* основанъ на ложномъ раздѣленіи того, что въ дѣйствительности неразрывно соединено. Все, что производилось цѣннаго въ исторіи, имѣло всегда тройкій характеръ: 1) личный, 2) національный и 3) универсальный. Всякое историческое творчество коренится въ личныхъ силахъ и дарованіяхъ, обуславливается національною средою и приводитъ къ результатамъ всечеловѣческаго значенія. Такъ, еврейская библія, индійскій буддизмъ, греческая философія, римское право, арабское мусульманство, латинская теократія, италіанскій гуманизмъ, нѣмецкая реформація—создавали всеобщее изъ личнаго чрезъ національное. Даже въ такихъ болѣе внѣшнихъ и мѣстныхъ явленіяхъ, какъ реформа Петра Великаго или французская революція, ясно обозначается присутствіе этихъ трехъ элементовъ. Поэтому *націонализмъ*, какъ исключительное утвержденіе одного изъ нихъ въ ущербъ двумъ другимъ, есть воззрѣніе прежде всего анти-историческое. Съ другой стороны, обособленіе каждаго народа въ смыслѣ отрицательномъ, то есть его отчужденіе отъ всѣхъ другихъ и замкнутость въ себѣ, будучи дѣломъ безнравственнымъ по существу, (какъ отрицаніе альтруизма и челоуѣческой солидарности), является, при современномъ прогрессѣ внѣшней культуры, физическою невозможностью. Послѣдовательнаго теоретическаго оправданія *націонализмъ*, какъ и всѣ отвлеченныя начала, не допускаетъ. Практическое значеніе оныхъ отчасти имѣетъ, какъ знамя дурныхъ народныхъ страстей, особенно въ странахъ съ пестрымъ и разнороднымъ населеніемъ. Основаніе нѣкоторыхъ политическихъ системъ, которые еще пользуется *націонализмъ*, есть «лишнее его смѣшеніе съ патриотизмомъ».

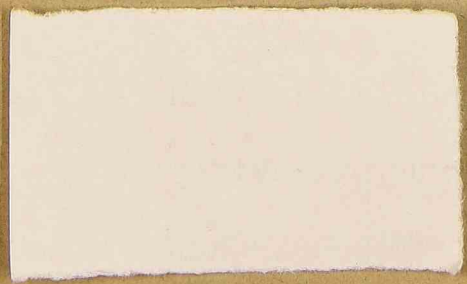

1948

283795

Дкв. 17. 2142

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

Отд.
№